

Психологические аспекты напряженности и конфликтологии

Psychological aspects of tension and conflict resolution

Научно-практическая статья

УДК 159.9.072 © И. В. Васильева, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-411-419

5.3.9 Юридическая психология и психология безопасности

Оценка стрессовой реакции детей и родителей на сообщения об акте терроризма

Инна Витальевна Васильева^{1,2}, доктор психологических наук, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, профессор кафедры философии, иностранных языков, гуманитарной подготовки сотрудников; i.v.asileva@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

¹ Тюменский государственный университет, 625007, Тюмень, пр. 9 мая, 5, Россия

² Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 625049, Тюмень, ул. Амурская, 75, Россия

Реферат

Введение. Стабильность и благополучие общества определяются психологическим состоянием, связанным с возможностью его членов чувствовать себя в безопасности. Потребность в безопасности была фрустрирована у жителей многих городов России в декабре 2021 – январе 2022 гг. из-за ложных сообщений об актах терроризма в отношении объектов социальной инфраструктуры — общеобразовательных учреждений. Целью исследования является оценка стрессовой реакции детей и родителей после ложных сообщений об акте терроризма в школах на примере г. Тюмени. **Материалы и методы.** В ходе исследования проведены опрос и анкетирование родителей детей, обучавшихся в школах и непосредственно участвовавших в эвакуациях в период с декабря 2021 г. по январь 2022 г. В конце января 2022 г. посредством анонимного опроса в Google-формах были получены данные от 37 родителей относительно их детей (52 ребенка в целом по выборке). Для оценки психологического состояния родителей использовался психосемантический подход. Сбор данных проводился методом свободных ассоциаций на стимул «сообщения об эвакуации в школах». Было получено семантическое поле из 289 слов. Эти ассоциации были классифицированы по семантическим группам. Для оценки психологического состояния детей использовалась Родительская анкета для оценки травматических переживаний детей Н. В. Тарабриной. **Результаты и обсуждение.** Выявлено шесть укрупненных смысловых категорий, связанных с психологической реакцией на сообщения об эвакуации в школах города. Эти смысловые категории описывают образ угрожающей ситуации, эмоциональную и информационную оценку ситуации, физическую реакцию на ситуацию, степень предсказуемости появления такой ситуации, копинги. У детей обнаружены некоторые симптомы травматического стресса: симптомы вторжения и физиологической возбудимости. **Выводы.** Дети и родители реагируют на сообщения об эвакуации из школ в логике разворачивания острого стресса на травматическую ситуацию; демонстрируют преимущественно симптомы вторжения и физиологической возбудимости. Родители проявляют эмоциональную реакцию в гипостенической форме, но при этом активно используют конструктивные копинги.

Ключевые слова: учащиеся школ; родители; стрессовая реакция; ложное сообщение об акте терроризма

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-413-720004.

Для цитирования: Васильева И. В. Оценка стрессовой реакции детей и родителей на сообщения об акте терроризма // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 4(91). С. 411–419. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-411-419>

Scientific and Practical Article

UDC 159.9.072 © I. V. Vasilieva, 2022

doi: 10. 24412/1999-6241-2022-491-411-419

5.3.9 Legal Psychology and Psychology of Security

Assessment of Children's and Parents' Stress Response to Reports about an Act of Terrorism

Inna V. Vasilieva^{1,2}, Doctor of Sciences (in Psychology), head of the chair of General and Social Psychology, Professor at the chair of Philosophy, Foreign Languages, Officers' Humanitarian training; i.v.vasilieva@utmn.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0740-7260>

¹ Tyumen State University, 5, 9 Maya pr., Tyumen, 625007, Russia

² Tyumen Advanced Training Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs, 75, Amurskaya st., Tyumen, 625049, Russia

Abstract

Introduction. Stability and welfare of the society are determined by the psychological state connected with its participants' possibility to feel safe. From December 2021 to January 2022 the need for security was frustrated among citizens of many cities in Russia due to false reporting of terrorist acts against objects of the social infrastructure — educational institutions. The aim of the study is to assess the stress response of children and parents after false reporting of acts of terrorism in schools using the example of Tyumen. **Materials and Methods.** The research included a survey and questioning of parents of children who were studying in schools and involved in evacuation from December 2021 to January 2022. At the end of January 2022, the data was obtained from 37 parents regarding their children through an anonymous survey in Google forms (52 children in the whole sample). To assess the psychological state of the parents, a psychosemantic approach was used. Data collection was carried out through the method of free associations for the stimulus "information about evacuation in schools". A semantic field of 289 words was obtained. These associations were classified into semantic groups. To assess the psychological state of children, the N. V. Tarabrina's parental questionnaire was used to assess the traumatic experiences of children. **Results and Discussion.** Six enlarged semantic categories associated with the psychological reaction to reports of evacuations in the city's schools have been identified. These semantic categories describe the image of a threatening situation, the emotional and informational assessment of the situation, the physical reaction to the situation, the degree of predictability of arising of such a situation, coping strategies. Some symptoms of traumatic stress have been found in the children: symptoms of intrusion and physiological excitability. **Conclusions.** Children and parents react to information on evacuation from schools in the logics of unfolding acute stress on a traumatic situation; show predominantly symptoms of intrusion and physiological excitability. Parents show an emotional reaction in a hyposthenic form, but at the same time they actively use constructive coping strategies.

Keywords: school students; parents; stress response; false reporting of a terrorist act

Acknowledgments: This research was done with the financial support of The Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-413-720004.

Citation: Vasilieva I. V. Assessment of Children's and Parents' Stress Response to Reports about an Act of Terrorism. *Psychopedagogy in Law Enforcement*. 2022. Vol. 27, No. 4(91). Pp. 411–419. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2022-491-411-419>

Основные положения

1. Сообщения об акте терроризма вызывают острую стрессовую реакцию в актуальном периоде действия информационной травматической ситуации. Повторение травматической ситуации этого типа не вызывает эффекта привыкания.

2. Учащиеся школ, непосредственно участвовавшие в эвакуации из общеобразовательных учреждений из-за сообщений об акте терроризма, не проявляют выраженных синдромов травматического стресса, но демонстрируют отдельные симптомы вторжения и физиологической возбудимости (из группы симптомов посттравматического стрессового расстройства).

3. Родители школьников демонстрируют логику реагирования острого стресса на травматическую ситуацию, связанную с ложными сообщениями об акте терроризма в общеобразовательных школах, однако способны оперативно привлекать конструктивные копинги.

Введение

Актуальность, значимость и сущность проблемы. По данным ФСБ России, с 2018 г. по 2021 г. зафиксировано свыше 16 тыс. ложных сообщений о террористических актах. Общее количество про-

веденных экстренными службами проверочных мероприятий превысило 50 тыс., эвакуировано более 1,5 млн человек*. В декабре 2021 – январе 2022 гг. в г. Тюмени прошло шесть эвакуаций из-за заведомо ложных сообщений о минировании общеобразовательных учреждений. Согласно ст. 207 Уголовного кодекса Российской Федерации такие сообщения могут быть квалифицированы как заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры либо повлекшее причинение крупного ущерба. Аналогичные правонарушения фиксировались по всей стране с разной степенью интенсивности. Детей выводили из школ, отправляли домой, родители перестраивали свой рабочий день и приезжали за детьми.

В средствах массовой информации, социальных сетях, школьных чатах быстро появлялась информация об эвакуации. С одной стороны, у родителей была возможность «контролировать» ситуацию — приехать, забрать ребенка или позвонить ему, узнать, что он в безопасности, с другой — ситуации эвакуации были неожиданными, тревожащими, требовали изменения планов и контроля за эмоциональным состоянием ребенка (преимущественно младших классов). Комментарии

* Заведомо ложные сообщения об актах терроризма предложено оперативно блокировать. URL: <http://duma.gov.ru/news/50990/> (дата обращения: 16.03.2022).

пользователей СМИ и социальных сетей демонстрируют как минимум две полярные позиции: 1) тревога по поводу неожиданного, пугающего события («Какой ужас! Когда его поймают! За детей страшно!»); 2) обесценивание события, эмоциональная бравада («Всем известно, что это не по-настоящему! Отчего все паникуют?!»). **Цель** настоящей работы — оценка стрессовой реакции детей и родителей после ложных сообщений об акте терроризма в школах на примере города Тюмени.

Теоретические предпосылки и обзор проблемы.

Обзор исследований [1–3], посвященных проблеме ложных сообщений об акте терроризма, показывает, что основной фокус сосредоточен в области правовых изысканий относительно точности квалификации преступления, на причинах распространения именно этого типа преступлений в последнее время, на оценке финансовых затрат государства по проверке таких сообщений. Терроризмом признается организация деяния, направленного на причинение смерти, тяжких телесных повреждений, устрашение гражданского населения, нанесение ущерба материальным объектам гражданской инфраструктуры. Исследователи указывают, что «заведомая ложность как свойство сообщаемой информации означает ее недостоверность или полное несоответствие объективной действительности, в полной мере осознаваемое виновным, поскольку преступление совершается с прямым умыслом» [4, с. 38]. Несмотря на наличие способов оценки уровня выраженности террористической угрозы [5], для граждан сообщение об акте терроризма становится ложным только после его проверки сотрудниками правоохранительных органов, постфактум. Следовательно, каждое сообщение в момент эвакуации, до его проверки сотрудниками полиции, большей частью гражданского населения воспринимается как тревожащее, непосредственно угрожающее их жизни, здоровью, материальным ценностям [6]. Субъект, совершающий звонок о якобы готовящемся взрыве в общеобразовательных школах, торговых центрах города, создает условия для психической травматизации гражданского населения, для наиболее уязвимой его части — несовершеннолетних. Образовательное пространство школы становится небезопасным, что вызывает нарушение хода обучения, снижение социального и психологического благополучия участников образовательного процесса [7; 8]. Имеются данные о том, что такого рода действия часто совершаются несовершеннолетними, людьми с психическими отклонениями [3; 9; 10]. Обнаружена связь между представленностью в СМИ сообщений о террористических актах и ростом ложных сообщений о терроризме [11].

Однако психологические реакции участников эвакуаций из-за ложных сообщений об акте терроризма остаются малоизученными.

В традиции психологических исследований участников травматических ситуаций принято разделять

на непосредственных участников травматической ситуации и остальных ее субъектов, прямо или косвенно в ней задействованных в последующем. Это как сотрудники служб, осуществляющие помощь, так и родственники непосредственных участников и даже пользователи электронных средств массовой информации [12].

Сами учащиеся, эвакуированные из общеобразовательных учреждений, могут считаться первичными жертвами, поскольку непосредственно участвовали в ситуации, вызывающей страх, ощущение беспомощности. Например, по словам опрошенных родителей, некоторые дети утверждали, что видели пожар в здании школы, которого в действительности не было. Родители эвакуированных учащихся могут считаться вторичными жертвами, поскольку их стресс связан не с непосредственным восприятием травматического события, а переживанием за ребенка, эмпатическим вчувствованием в его состояние. Средства массовой информации способствуют формированию и усилению вторичного травматического стресса [13; 14].

Исследования вторичного стресса относительно немногочисленны [14; 15], что не говорит о малозначимости этой проблемы. Скорее, это указание на трудности организации эмпирического исследования вторичного травматического стресса. Психологические аспекты вторичной травматизации и вторичного стресса исследуют преимущественно применительно к работникам помогающих и экстремальных профессий [16–18]. Однако родители школьников, участвовавших в эвакуации из общеобразовательных учреждений из-за ложных сообщений об акте терроризма, тоже демонстрируют симптомы стрессового реагирования. С учетом совместности жизнедеятельности детей и родителей их стрессовые реакции могут индуцировать друг друга. Вместе с тем большая часть усилий школьных психологов будет сосредоточена на помощи непосредственно школьникам как первичным жертвам, а их родители при этом остаются вне сферы профессиональной психологической помощи. Существует риск того, что стрессовое состояние родителей может нивелировать эффект от психологической помощи ребенку.

Таким образом, несмотря на то что ложное сообщение об акте терроризма не приводит к реальным угрозам для жизни и здоровья людей, оно неблагоприятно отражается на эмоциональном самочувствии людей, в данном случае — участников образовательного процесса.

Материалы и методы

Характеристика участников эксперимента.

Опрошены 37 родителей посредством заполнения анонимного опроса в Google-формах. Они оценивали свою реакцию и реакцию своих детей (всего 52 ребенка) на изучаемые события. Половозрастной состав ро-

дителей: 31 женщина, 6 мужчин. Их возраст — от 30 до 50 лет. Образование у всех высшее. Половозрастной состав детей: 27 девочек, 25 мальчиков. Их возраст — от 6 до 17 лет. Учащиеся младшей школы: 29 человек (16 девочек, 13 мальчиков); средней школы: 13 человек (7 девочек, 6 мальчиков); старшей школы: 10 человек (4 девочки, 6 мальчиков).

Процедура формирования выборки. Участие испытуемых в исследовании было добровольным и не фи-

нансировалось. Сбор данных реализован посредством заполнения Google-формы. Исследование проходило в анонимном формате. Таким образом, в реализуемой процедуре мы учитывали этические нормы и требования к проведению психологических исследований.

Схема проведения исследования:

1) заполнение анкеты со скрининговыми данными (пол, возраст, уровень образования, количество детей и их возраст);

Таблица 1. Семантические категории, связанные с реагированием родителей школьников на сообщения об эвакуации в общеобразовательных учреждениях г. Тюмени
(Table 1. Semantic categories related to the response of schoolchildren's parents to information about evacuation in Tyumen educational institutions)

Укрупненная смысловая категория (УСК)	Смысловая категория	Семантические единицы (СЕ)	Количество СЕ в категории
Физическая реакция на ситуацию	Нормативная реактивность	ехать — 1, идти — 1, уходить — 1, увести — 1, забрать — 3, эвакуация — 3, потренировались — 1, холод — 2	13
	Повышенная реактивность	бежать — 2, побегали — 1, убежать — 1, паника — 2, сумбур — 1, хаос — 1, спешить — 1, спешка — 1, толпа — 1, толчея — 1, суета — 1, давка — 1	14
Образ угрожающей ситуации	Образ виновника	больной — 1, бредовый — 1, сумасшедший — 2, глупый — 2, нет ума — 1, бессовестные — 1, бесчеловечный — 1, не русские — 1, мерзкий — 1, отвратительный — 1, безответственные — 1, надоедливый — 1, безнаказанность — 1, хулиган — 1	16
	Образ предмета ситуации	бомба — 2, взрыв — 3, теракт — 1	6
	Средство создания ситуации	звонить — 1, звонок — 2, позвонить — 1, сообщить — 1, телефон — 1	5
	Оценка ситуации как источника опасности	беда — 1, опасность — 6, опасный — 5, небезопасный — 1, беззащитность — 3, беззащитный — 2, незащищенность — 1, незащищенный — 3, ненадежный — 1, красный — 3	25
Предсказуемость ситуации	Непредсказуемость	неожиданный — 2, непредсказуемый — 1, незапланированное — 1, несвоевременное — 1, неправдоподобное — 1, нереальный — 1, бесконтрольный — 1, беспочвенное — 1, непонятный — 2, недоуменный — 1, невозможное — 2, бессмысленный — 1, не поступит — 1	16
	Повторяемость	ожидаемый — 1, регулярное — 1, очередной — 1, продолжают — 1	4
Когнитивная оценка ситуации	Оценка ситуации как обмана	ложь — 3, обман — 2, обманчивый — 1, обманывать — 1, фейковый — 1, дезинформируют — 1, хитрость — 2	11
	Оценка ситуации как манипуляции	воздействие — 1, воздействующий — 1, манипулирующий — 1, манипуляция — 1, преувеличение — 1, заставляют — 1, принуждение — 1, сложная — 1, усложнить — 1	9
Эмоциональная оценка ситуации	Базовая реакция	встревожиться — 1, беспокоенный, — 1, беспокойный — 1, беспокойство — 1, беспокоиться — 2, нервничать — 1, переживание — 1, неуравновешенный — 1, тревога — 6, тревожность — 1, тревожный — 5	21
	Вариативность эмоциональной реакции Гипостеническая реакция	растерянность — 1, растерянный — 1, прятаться — 1, усталый — 1, утомительный — 2, боязнь — 1, бояться — 1, испуг — 1, испугаться — 1, напугался — 1, страх — 8, страшный — 10, пугающий — 2, запугивать — 1, запугивающий — 1, утрашать — 1, жуткий — 1, ужас — 4, ужасный — 4, кошмар — 1	44
	Вариативность эмоциональной реакции Гиперстеническая реакция	напряжение — 1, взволнованный — 1, волнение — 1, волнительный — 1, агрессивный — 1, злость — 2, хмурый — 1, плохой — 2, негативный — 2, неприятность — 3, неудачный — 1, раздражение — 1, издевательство — 1, надоело — 4, возмущение — 2, крик — 1, кричать — 1, <i>инвективы, выражающие возмущение</i> , — 6	32
Копинги	Копинг — саморегуляция	спокойный — 2, успокоиться — 1, не паниковать — 1, смиренный — 1, самообладание — 1, благоразумный — 1	7
	Копинг — планирование будущего	школа — 4, занятия — 1, уроки — 1, успеваемость — 1, отменилось — 1, сорванный — 1, прогулять — 1, репетитор — 1, выполнять — 1, делать — 1, доработывать — 1	14
	Копинг — проверка истинности информации	правдивый — 1, информация — 1, новость — 1, узнать — 3, говорить — 1, объяснить — 1, поговорить — 1, уточнить — 1, решать — 1, выяснять — 2, проверить — 1, ситуация — 1, смотреть — 2, свободная — 1	18
	Копинг — поиск внешней поддержки	быстро — 1, оперативно — 1, важный — 1, внимательный — 2, бдительный — 1, ответственный — 2, социальный — 1, наказание — 1, поймать — 1, полиция — 1, отреагировать — 1, решиться — 1, охранять — 1, обеспечить безопасность — 1, безопасность — 2, защитить — 4, спасти — 2, уберечь — 2	26
	Копинг — формирование образа дома/семьи как убежища	будь осторожен — 1, заботливый — 1, береги себя — 1, любовь — 1, дети — 3, родители — 1, дом — 2	10
Все категории (296 — все полученные ассоциации, 286 — категоризованные ассоциации, 7 — некатегоризуемые ответы)			289

2) сбор данных методом свободных ассоциаций на стимул: «сообщения об эвакуации в школах». На данный стимул родителям нужно было дать девять ассоциаций в формате: три существительных, три прилагательных и три глагола в инфинитивной форме. Психосемантический подход позволяет получить от испытуемого информацию, менее контролируемую со стороны установки на социальную желательность, нежели прямой вопрос [19]. Сбор данных проводился в конце января 2022 г.;

3) оценка родителями состояния своих детей посредством заполнения Родительской анкеты для оценки травматических переживаний детей Н. В. Табрабриной [20];

4) методом свободных ассоциаций на стимул: «сообщения об эвакуации в школах» было получено семантическое поле из 296 слов (иногда словосочетаний). Эти ассоциации были классифицированы по смысловым группам (однокоренные, родственные слова, семантически близкие), куда вошли 289 слов, остальные 7 слов оказались вне категорий по причине единичной представленности ассоциаций и не учитывались в дальнейшем анализе. Весь массив полученных данных был обработан с помощью покатегориального частотного анализа посредством экспертной оценки при распределении слов и словосочетаний по категориям.

Родительская анкета обрабатывалась по ключу, основанному на критериях ПТСР в DSM-IV (R): А — немедленное реагирование, В — навязчивое воспроизведение, С — избегание, D — возросшая возбудимость, F — нарушения функционирования.

Оценивался общий уровень посттравматических симптомов;

5) выделение группы детей, которые, по оценкам их родителей, продемонстрировали максимальное количество симптомов посттравматического реагирования. Сравнение выраженности смысловых категорий реагирования на ситуации ложных сообщений об акте терроризма у родителей детей с максимальным количеством симптомов посттравматического реагирования и родителей детей, которые не продемонстрировали указанных симптомов. Для попарного сравнения трех зависимых рядов данных: суммы семантических единиц в каждой смысловой категории в общей выборке родителей (37 человек), группе родителей детей с максимальным количеством симптомов посттравматического реагирования (8 человек) и группе родителей, чьи дети не имели симптомов посттравматического реагирования, — использовался критерий знаков (29 человек).

Результаты и обсуждение

Первый этап осмысления результатов связан с категоризацией семантических единиц в более крупные смысловые категории (табл. 1). Было проведено два этапа укрупнения, что позволило содержательно истолковать полученные результаты.

Второй этап осмысления результатов связан с ранжированием укрупненных смысловых категорий. Это позволило оценить выраженность компонентов стрессового реагирования родителей на ситуацию ложного сообщения об акте терроризма в школе (табл. 2).

Было выделено шесть укрупненных смысловых категорий: физическая реакция на ситуацию, образ угрожающей ситуации, предсказуемость ситуации, когнитивная оценка ситуации, эмоциональная оценка ситуации, копинги.

Таблица 2. Сводная таблица оценок по укрупненным смысловым категориям
(Table 2. Summary table of assessments for enlarged semantic categories)

Укрупненная смысловая категория (УСК)	Смысловая категория	Количество СЕ в категории	Суммарное количество СЕ в УСК	Ранговое место УСК в семантическом поле выборки
Физическая реакция на ситуацию	Нормативная реактивность	13	27	4
	Повышенная реактивность	14		
Образ угрожающей ситуации	Образ виновника	16	52	3
	Образ предмета ситуации	6		
	Средство создания ситуации	5		
	Оценка ситуации как источника опасности	25		
Предсказуемость ситуации	Непредсказуемость	16	20	5
	Повторяемость	4		
Когнитивная оценка ситуации	Оценка ситуации как обмана	11	18	6
	Оценка ситуации как манипуляции	7		
Эмоциональная оценка ситуации	Базовая реакция	21	97	1
	Вариативность эмоциональной реакции Гипостеническая реакция	44		
	Вариативность эмоциональной реакции Гиперстеническая реакция	32		
Копинги	Копинг — саморегуляция	7	75	2
	Копинг — планирование будущего	14		
	Копинг — проверка истинности информации	18		
	Копинг — поиск внешней поддержки	26		
	Копинг — формирование образа дома/семьи как убежища	10		
Всего			289	

жающей ситуации, предсказуемость травматической ситуации, когнитивная, эмоциональная оценки ситуации и копинги. Ожидаемо, что эмоциональная оценка ситуации в семантическом пространстве реагирования на травматическую ситуацию ложного сообщения об акте терроризма в школе занимает первый ранг по частотности смысловых единиц. Эмоциональное реагирование родителей включает в себя как базовую реакцию тревоги, так и последующую вариативность эмоционального реагирования по гипостеническому и гиперстеническому типам, причем гипостенический вариант встречается чаще. Физическая реакция на ситуацию (4 ранг), нормативная или повышенная реактивность меньше представлена в семантическом пространстве, нежели эмоциональная. Однако можно увидеть, что нормативная и повышенная реактивность проявляются в равной мере, т. е. родители большей частью способны справиться со стремлением к паническим реакциям, связанным с физическим удалением от источника опасности. Еще менее выражена когнитивная оценка ситуации (6 ранг), что естественно для логики развития реакции на ситуацию, оцениваемую как опасная. Когнитивная оценка ситуации включает в себя оценку ситуации как обмана и как способа манипуляции. В какой-то мере такая оценка выступает в качестве способа стабилизации эмоционального состояния родителей, позволяет им прогнозировать последующие события и планировать собственные усилия по совладанию с эмоциональными последствиями ситуации ложного сообщения об акте терроризма в школе.

Однако в отношении способов совладания с эмоциональным состоянием у родителей можно выделить отдельную значимую смысловую категорию — копинги (второй ранг). Родители использовали саморегуляцию, поиск внешней поддержки, планировали свои будущие действия после завершения ситуации, указывали на необходимость проверки поступающей информации, формировали для ребенка образ дома и семьи как безопасного пространства. Наиболее выраженным является копинг «поиск внешней поддержки», связанный с обращением за помощью к полиции или ожиданием, что сотрудники полиции эффективно разрешат эту ситуацию. Все используемые родителями копинги можно отнести к конструктивным.

Образ угрожающей ситуации (3 ранг) и степень предсказуемости возникновения угрожающей ситуации (5 ранг) характеризуют источник опасности. Образ угрожающей ситуации складывается из образа виновника, образа предмета ситуации, представлений о средствах создания ситуации, оценки ситуации как источника опасности. Наибольший вклад вносит в эту смысловую категорию оценка ситуации как источника опасности, т. е. родители школьников считают ложные сообщения об акте терроризма в общеобразовательных

учреждениях событиями, которые напрямую угрожают жизненному благополучию. Необходимо обратить внимание также на выраженность такого компонента, как образ виновника ситуации: он представляется отрицательным из-за сниженных возможностей к адекватной оценке происходящего у родителей. Несмотря на неоднократность ложных сообщений об актах терроризма в школах, такие ситуации воспринимаются как непрогнозируемые, неожиданные, а значит, каждый раз требуют от родителей увеличения ресурсов по совладанию с неблагоприятными эмоциональными последствиями. Более того, повторение ситуаций, связанных с ложными сообщениями об актах терроризма в школах, активное освещение этих случаев в СМИ и социальных сетях могут вызвать усугубление травматических переживаний как детей, так и родителей [21].

Способность родителей справляться с травматическими ситуациями влияет на эмоциональное благополучие детей. Исследователи указывают на важность адекватного толкования травматической ситуации родителем для ребенка, что позволяет последнему встроить новое, хотя и травматическое событие в собственный опыт и выработать отношение к этому событию, способы совладания [22; 23]. Поэтому важно проанализировать эмоциональные реакции не только взрослых, но и их детей.

Анализ симптомов посттравматического стрессового реагирования у детей согласно экспертному оцениванию родителями показал, что синдромы не сформированы, но некоторые симптомы более часто встречаются, чем другие (табл. 3).

Таблица 3. Выраженность отдельных симптомов реагирования на травматическую ситуацию у детей (Table 3. The intensiveness of separate symptoms of response to a traumatic situation in children)

Группа симптомов/ синдром	Выраженность отдельных симптомов	Частота встречаемости в выборке
А — немедленное реагирование	Ребенок чувствовал ужас (очень сильный страх)	11
	Ребенок чувствовал себя беспомощным	10
	Ребенок был возбужденным. Он был гиперактивен, трудноконтролируем, импульсивен	10
В — навязчивое воспроизведение	Ребенок рассказывает о неприятных воспоминаниях о событии	8
	Ребенок легко пугается. Например, сильно вздрагивает, когда слышит неожиданный или громкий звук	9
	У ребенка появились проблемы со сном или засыпанием	6
С — избегание	Нет часто встречающихся симптомов	0
Д — возросшая возбудимость	Ребенку снятся плохие сны	9
Е — нарушения функционирования	Нет часто встречающихся симптомов	0

Остальные симптомы, перечисленные в анкете, встречаются реже в исследуемой выборке. Таким образом, можно утверждать, что наиболее часто на травматическую ситуацию ложного сообщения об акте терроризма в школе дети реагируют в логике острого стресса, преимущественно симптомами вторжения и физиологической возбудимости.

Из общей выборки были выделены 8 родителей, которые, согласно их оценкам, наблюдали у своих детей максимальное количество симптомов посттравматического реагирования (суммарно от 5 до 13). Сравнение выраженности смысловых категорий реагирования на ситуации ложных сообщений об акте терроризма у этих родителей с остальными родителями, чьи дети не продемонстрировали симптомов посттравматического реагирования (от 0 до 3 в сумме), показало отсутствие статистически значимой разницы по всем смысловым категориям реагирования на ситуации ложных сообщений об акте терроризма. Отсюда следует, что семантические аспекты родительской реакции в данной ситуации не связаны с особенностями детей. Это позволяет проводить психологическую работу с детьми по коррекции эмоционального состояния независимо от родителей. Полученные результаты противоречат некоторым исследованиям связей родительских копингов и симптоматики развития посттравматического стрессового расстройства у детей [24]. В частности, показана связь копинга подавления негативных эмоций у родителей и развития ПТСР у детей. Возможное объяснение этому противоречию состоит в том, что сила травматических ситуаций была критично разной.

Таким образом, в проведенном исследовании изучена эмоциональная реакция родителей и детей в ситуациях ложных сообщений об акте терроризма в общеобразовательных учреждениях. Для оценки реакции родителей использовался психосемантический подход. Для квалификации реакции детей — экспертное оценивание родителями. Согласно этой экспертной оценке, чаще всего дети демонстрируют отдельные симптомы вторжения и физиологической возбудимости в ответ на исследуемую травматическую ситуацию. Проведено сравнение семантических категорий реагирования на травматическую ситуацию ложного сообщения об акте терроризма у родителей, чьи дети продемонстрировали более выраженные симптомы посттравматического реагирования, и родителей, чьи

дети таких симптомов не демонстрировали. Показано отсутствие связи между родительским реагированием и реагированием детей.

Выводы

1. Психосемантическая организация исследования позволяет оценить реагирование родителей школьников на ложные сообщения об актах терроризма в общеобразовательных учреждениях.

2. Родители учащихся, участвовавших в эвакуации из школ из-за ложных сообщений об актах терроризма, демонстрируют реагирование в логике разворачивания острого стресса. Наиболее выражена эмоциональная реакция (тревога, гиперстеническое и гипостеническое реагирование), но активно функционируют конструктивные копинги: саморегуляции, планирования будущего, проверка достоверности информации, обращение к внешней поддержке, обеспечение эмоционального комфорта в отношениях с детьми.

3. Учащиеся, участвовавшие в эвакуации из школ из-за сообщений об актах терроризма, чаще всего демонстрируют отдельные симптомы вторжения и физиологической возбудимости в ответ на эту травматическую ситуацию. Наиболее выраженными у детей симптомами являются: 1) ощущения страха и ужаса; 2) ощущения беспомощности; 3) проявления возбужденности, гиперактивности в поведении; 4) повышенная пугливость как реакция на резкие звуки; 5) сновидения с пугающим содержанием.

4. Предположение о том, что имеется связь между эмоциональным реагированием родителей и детей на ситуацию ложного сообщения об акте терроризма, не нашло подтверждения. Это позволяет выстраивать психологическую работу по коррекции эмоционального состояния родителей и детей в данном контексте, независимо друг от друга.

Перспективы. В качестве перспектив данного исследования можно выделить такие направления:

1) сравнение особенностей посттравматического реагирования на ситуацию ложного сообщения об акте терроризма в общеобразовательных учреждениях у школьников разных возрастных групп и разного пола;

2) апробация способов стабилизации эмоционального состояния у родителей и школьников после ложных сообщений об актах терроризма в общеобразовательных учреждениях.

Список источников

1. Костылева О. В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52–60.
2. Тюнин В. И., Озарь Т. А. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: новеллы законодательства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1(72). С. 3–7.
3. Шигуров А. В., Шигурова Е. И. Проблемы уголовно-правового противодействия заведомо ложным сообщениям об акте терроризма, совершаемым несовершеннолетними // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2020. № 2(9). С. 36–44. <https://doi.org/10.24411/2618-8120-2020-00004>.

4. Майстренко Г. А. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ): методологические и правовые аспекты квалификации // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 12А. С. 36–42. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.52.72.006>.
5. Allely C. S., Wicks S. J. The feasibility and utility of the Terrorist Radicalization Assessment Protocol (TRAP—18): A review and recommendations. *Journal of Threat Assessment and Management*. 2022. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/tam0000179>.
6. Игнатов А. Н. О террористическом характере заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 157–165.
7. Lunn L., Champion K., James S., Velez G. A. framework for guiding transformative growth after school shootings. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2021. Vol. 27, No 3. С. 486–496. <https://doi.org/10.1037/pac0000534>.
8. Кисляков П. А., Шмелева Е. А., Толстов С. Н. Обеспечение социально-психологической безопасности субъектов образования // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 46–55. EDN: VQYXYV.
9. Halikias W. School-Based Risk Assessments: A Conceptual Framework and Model for Professional Practice. *Professional Psychology: Research and Practice*. 2004. Vol. 35, No 6. С. 598–607. <https://doi.org/10.1037/0735-7028.35.6.598/>.
10. Янгуразова Г. Д. Особенности объективных и субъективных признаков статьи 207 Уголовного кодекса Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2018. № 2(22). С. 126–131.
11. Жмуров Д. В., Протасевич А. А., Пороховой В. Ю. Телефонный терроризм: влияние средств массовой информации // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 3. С. 63–67.
12. Быховец Ю. В., Тарабрина Н. В. Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2013. Т. 19, № 4. С. 139–144.
13. Еникополов С. Н., Мкртчян А. А. Психологические последствия терроризма и роль СМИ в процессе их формирования // Национальный психологический журнал. 2010. № 2(4). С. 41–46.
14. Тарабрина Н. В., Быховец Ю. В., Ворона О. А. Проблема психологического благополучия населения перед лицом террористической угрозы // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2009. № 4. С. 61–68.
15. Еникополов С. Н., Лебедев С. В., Бобосов Е. А. Влияние экстремального события на косвенных участников // Психологический журнал. 2004. Т. 25, № 6. С. 73–76.
16. Крутолевич А. Н. Вторичная травматизация работников скорой медицинской помощи и работников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2012. № 2. С. 76–76.
17. Крутолевич А. Н. Факторы развития вторичной травматизации у работников экстремальных служб // Вопросы психологии. 2013. № 5. С. 54–63.
18. Малкина-Пых И. Г. Взаимосвязь профессионального выгорания и вторичного травматического стресса в структуре личности психологов // Акмеология. 2010. № 1. С. 79–88.
19. Вахитова З. З., Доценко Е. Л. Психосемантика. Тюмень, 2014. 292 с.
20. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб., 2001. 272 с.
21. Ben-Zur H., Gil S., Shamshins Y. The relationship between exposure to terror through the media, coping strategies and resources, and distress and secondary traumatization. *International Journal of Stress Management*. 2012. Vol. 19, No. 2. С. 132–150. <https://doi.org/10.1037/a0027864>.
22. Алексанин С. С., Рыбников В. Ю., Цуцеева Ж. Ч. Концепция, принципы, психологические механизмы и структурно-функциональная модель формирования и коррекции посттравматических стрессовых расстройств у детей-жертв террористических актов // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2010. № 4-1. С. 93–98.
23. Брязунов И. П., Михайлов А. Н., Столярова Е. В. Посттравматическое стрессовое расстройство у детей и подростков. М., 2008. 144 с.
24. Есина О. Б., Макаров И. В. Клинические проявления ПТСР у детей и их взаимосвязи с родительскими копингами // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. 2013. Т. 77. С. 43–51.

Поступила 26.04.2022; одобрена после рецензирования: 21.06.2022; принята к публикации 30.08.2022.

References

1. Kostyleva O. V. Knowingly false report of an act of terrorism (Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation) and threat of committing a terrorist act (Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminal Law*. 2018. No. 2. Pp. 52–60. (In Russ.)
2. Tyunin V. I., Ogar' T. A. Knowingly false report of an act of terrorism: novels in legislation. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2019. No. 1(72). Pp. 3–7. (In Russ.)
3. Shigurov A. V., Shigurova E. I. Problems of criminal law counteraction to false reports about an act of terrorism made by juveniles. *Humanities, Political and Law Studies*. 2020. No. 2(9). Pp. 36–44. <https://doi.org/10.24411/2618-8120-2020-00004>. (In Russ.)
4. Maistrenko G. A. Knowingly false reports about an act of terrorism (Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation): methodological and legal aspects of qualification. *Matters of Russian and International Law*. 2020. Vol. 10, No. 12A. Pp. 36–42. <https://doi.org/10.34670/AR.2020.52.72.006>. (In Russ.)
5. Allely C. S., Wicks S. J. The feasibility and utility of the Terrorist Radicalization Assessment Protocol (TRAP—18): A review and recommendations. *Journal of Threat Assessment and Management*. 2022. Advance online publication. <https://doi.org/10.1037/tam0000179>.
6. Ignatov A. N. On terrorist character of false reports about an act of terrorism. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*. 2018. No. 5. Pp.157–165. (In Russ.)

7. Lunn L., Campion K., James S., Velez G. A. framework for guiding transformative growth after school shootings. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2021. Vol. 27, No 3. Pp. 486–496. <https://doi.org/10.1037/pac0000534>.
8. Kislyakov P. A., Shmeleva E. A., Tolstov S. N. Maintenance of social psychological security of subjects of education. *Psychological Issues*. 2015. No. 5. Pp. 46–55. EDN: VQYXYV. (In Russ.)
9. Halikias W. School-Based Risk Assessments: A Conceptual Framework and Model for Professional Practice. *Professional Psychology: Research and Practice*. 2004. Vol. 35, No. 6. Pp. 598–607. <https://doi.org/10.1037/0735-7028.35.6.598/>.
10. Yangurazova G. D. Features of objective and subjective signs of Article 207 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Science. Society. State*. 2018. No. 2(22). Pp. 126–131. (In Russ.)
11. Zhmurov D. V., Protasevich A. A., Porokhovoy V. Yu. Telephone terrorism: influence of mass media. *Bulletin of Russian Law Academy*. 2017. No. 3. Pp. 63–67. (In Russ.)
12. Bykhovets Yu. V., Tarabrina N. V. The concept of threat: objective and subjective danger. *Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2013. Vol. 19, No. 4. Pp. 139–144. (In Russ.)
13. Enikopolov S. N., Mkrtychyan A. A. Psychological consequences of terrorism and the role of mass media in their formation. *National Psychological Journal*. 2010. No. 2(4). Pp. 41–46. (In Russ.)
14. Tarabrina N. V., Bykhovets Yu. V., Vorona O. A. The problem of psychological welfare of citizens facing terrorist threat. *Scientific Notes of Trans-Baikal State University. Series: Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Social Work*. 2009. No. 4. Pp. 61–68. (In Russ.)
15. Enikopolov S. N., Lebedev S. V., Bobosov E. A. Influence of emergency situation on indirect participants. *Psychological Journal*. 2004. Vol. 25, No. 6. Pp. 73–76. (In Russ.)
16. Krutolevich A. N. Secondary traumatization of ambulance workers and employees of bodies and divisions for emergency situations. *Fire Safety: Problems and Prospects*. 2012. No. 2. Pp. 76–76. (In Russ.)
17. Krutolevich A. N. Factors of development of secondary traumatization of employees of emergency services. *Psychological Issues*. 2013. No. 5. Pp. 54–63. (In Russ.)
18. Malkina-Pykh I. G. Interconnection of professional burnout and secondary traumatic stress in the structure of psychologists' personality. *Acmeology*. 2010. No. 1. Pp. 79–88. (In Russ.)
19. Vakhitova Z. Z., Dotsenko E. L. Psychosemantics. Tyumen, 2014. 292 p. (In Russ.)
20. Tarabrina N. V. Workbook on psychology of post-traumatic stress. St. Petersburg, 2001. 272 p. (In Russ.)
21. Ben-Zur H., Gil S., Shamshins Y. The relationship between exposure to terror through the media, coping strategies and resources, and distress and secondary traumatization. *International Journal of Stress Management*. 2012. Vol. 19, No. 2. Pp. 132–150. <https://doi.org/10.1037/a0027864>.
22. Aleksanin S. S., Rybnikov V. Yu., Tsutsieva Zh. Ch. Conception, principles, psychological mechanisms and structural-functional model of formation and correction of post-traumatic stress disorders in children-victims of terrorist acts. *Medical Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2010. No. 4-1. Pp. 93–98. (In Russ.)
23. Bryazgunov I. P., Mikhailov A. N., Stolyarova E. V. Post-traumatic stress disorder in children and adolescents. Moscow, 2008. 144 p. (In Russ.)
24. Esina O. B., Makarov I. V. Clinical manifestations of post-traumatic stress disorder in children and their relationship with parental coping. *Review of Psychiatry and Medical Psychology*. 2013. Vol. 77. Pp. 43–51. (In Russ.)

Submitted 26.04.2022; approved after reviewing: 21.06.2022; accepted for publication: 30.08.2022.